

ЛАРИСА КАДОЧНИКОВА:

Культура — 2006 — 2-8 февр. — 16

Имя сказалося на моих пристрастиях

Звезда 70-х годов, Маричка в легендарном фильме Сергея Параджанова "Тени забытых предков", актриса Театра Современник, позже Киевского Русского драматического театра имени Леси Украинки, где и сейчас продолжает работать. Дочь Нины Алисовой, памятной "Бесприданницы" режиссера Якова Протазанова, — Лариса КАДОЧНИКОВА.

— Лариса Валентиновна, самое ваше имя уже подталкивает к тому, чтобы вспомнить о вашей матери, Нине Ульяновне Алисовой, ставшей знаменитой в молодые ее годы после выхода на экран картины "Бесприданница", где она сыграла Ларису Огудалову. Она назвала вас в честь своей героини?

— Да! Мама отснялась в этом фильме, и очень скоро у нее родилась я. Естественно, она и отец сразу решили, что я буду Ларисой. В переводе с греческого это имя значит "чайка". Мне кажется, что оно сказалося на моей судьбе, моих пристрастиях. Меня всегда тянет к морю, я должна побывать у моря два раза в году. И Бог в этом мне помогает. Но "Лариса" несет и трагический оттенок, недаром Островский так назвал свою героиню.

— Вы ощутили этот трагизм на себе?

— Да. Я всегда была и остаюсь некоей отдельной фигурой — в жизни, в театре, в кино. Как и у Ларисы Огудаловой, у меня было столько трагических моментов, поворотов, потрясений.

— Но чайка — это еще полет?

— Летела Лариса Огудалова, летела — и я летела...

— Ваша жизнь дала вам право летать?

— Летать и иногда больно разбиваться.

— Нину Алисову хорошо знают кинематографисты и зрители. К сожалению, совсем немного известно о вашем отце, талантливом режиссере Валентине Кадоchnikове, ученике Эйзенштейна. Насколько лет назад я была в Алма-Ате в группе российских кинематографистов. Нас повели на кладбище, где похоронены москвичи, эвакуированные вместе с "Мосфильмом" в годы войны. Среди них был ваш отец. В нашей группе были пожилые люди, помнившие его. Они попросили показать его могилу. Но ее так и не нашли. Оказалось, что он был похоронен в общей могиле.

— Когда отец в 1941 году умер в Алма-Ате, мама со мной была в Ашхабаде на съемках. Туда пришла телеграмма о смерти отца. Телеграмму передала режиссеру, у которого снималась мама, но отдал он ее только через десять дней. Видимо, понимая, что мама бросит съемки и уедет на похороны. Когда она все-таки выехала в Казахстан, никто не знал, где папа похоронен.

Он был талантливым режиссером и художником. Эйзенштейн написал о нем прекрасные слова в статье "На смерть Валентина Кадоchnikова", осталась эта память. Остались две картины, снятые с его участием. На "Золотом ключике" он был художником, как режиссер снял картину "Волшебное зерно". Отец изумительно рисовал, в "Золотом ключике" — его декорации, костюмы.

— Вы расследовали от него этот дар. Пишете картины, выступаете. Вы учились рисовать?

— Нет. Просто однажды взяла в руки кисть, стало что-то возникать. Так живопись стала частью моей жизни, очень для меня дорогой.

— Неужели никогда не рисовали в детстве, в юности?

— Нет!

— Мечтали стать актрисой, как это обычно бывает в актерских семьях, тем более когда мама — известная актриса? Так определился ваш выбор?

— Представьте себе — нет. Возможно, потому, что я была очень болезненной, худенькой. А мечта о балете, который обожала. Мама часто водила меня в Большой театр, тогда это было возможно. Еще танцевала великая Уланова. И я видела все балеты с ней. После чего сказала маме: "Я буду балериной..." Для этого нужно было проконсультроваться с врачом. Но после визита к нему с мечтами о балете пришлось расстаться.

При всей худобе надо было быть крепкой, сильной, здоровой. Врач сказал обо мне маме: "Да у нее закружится голова при первом же вращении в танце..."

— Тогда и пришла мысль о театральном институте?

— Еще нет. Наверное, из-за того, что в детстве очень много болела, я была очень застенчива, это осталось навсегда. Для актрисы застенчивость только помеха. Мама это знала, сама она была не застенчива, и разговоров об актерской профессии у нас просто не возникало. Скорее, я думала о биологии, ботанике. Страшно любила бабочек, собирала гербарии... А в десятом классе уже были встречи с мальчиками, какая-то новая жизнь... Перед тем как надо было окончательно определиться с институтом, мама уехала из Москвы, сказав мне перед отъездом: "Лариса, пора решать..."

В это время моя подруга и одноклассница начала поступать во все театральные вузы Москвы. Я вдруг подумала: "Ну вот, у нее в семье нет актеров, а у меня мама — актриса!" И подготовила традиционную программу для экзамена: басня, стихотворение, отрывок. И подала документы в Театральное училище имени Щукина.

Приехала мама. Позвонила ректору училища Борису Евгеньевичу Захаву, с которым была дружна, сказала ему, что дочь хочет быть актрисой. Захав никак не прореагировал. Когда я пришла поступать, на первом туре Захавы не было. Я прошла на второй. Тогда уж он сидел в зале. Было много старшекурсников, которые громко говорили, смеялись. Я вышла на сцену — и у меня провал голоса, я почти потеряла сознание. Потом начала с трудом что-то произносить...

На этом закончились мои отношения с Щукинским училищем. Но я все-таки подбегала к Захаве. Спросила: как я показалась? "Деточка, я не знаю, — сказал он. — Ну не прошла..." Человек жесткий, требовательный, он не стал мне протектировать. Но я не утомилась и пошла во ВГИК, где набирала курс Ольга Ивановна Пыжова, игравшая Огудалову в "Бесприданнице". Она была ученица Станиславского, играла вместе с ним в Художественном театре. Великий педагог. Я ее заинтересовала. Может быть, потому, что я — дочка Нины Алисовой — была не похожа на нее?.. Странная я какая-то была.

— Вы всегда не вписывались в общий ряд?

— Мне говорили об этом. Может быть, все шло от той же моей безумной застенчивости? Еще каких-то моих черт? Не знаю.

Пыжова приняла меня в свою виковскую мастерскую при том, что конкурс был огромный, поначалу, дел туров, около тысячи человек на место. Я была счастлива. Почти четыре года училась у Пыжовой, пока она не заболела и не ушла от нас. Была очень жесткой, нас не щадила. Почти никогда не хвалила. Но научила работать.

— У вас был очень сильный курс.

— Да, со мной учились замечательная Тамара Семина, Лидия Федосеева, ставшая позже Лидой Шукшиной, хорошенкая. Очень пикантная.

— Вы начали сниматься еще в институте?

— Да, первая роль была в картине "Василий Суриков", я играла его жену, Ольгу Ивановну вообще нам не разрешали сниматься: считали, что мы — непрофессионалы, надо сначала закончить институт. Но меня отпустили, так и не знаю, почему. После этого была счастливая встреча с Софьей Абрамовной и Михаилом Абрамовичем Швейцерами на двух фильмах: "Мичман Панин" и "Время, вперед!" Во второй картине я играла сестру героя Юрского, Катю. Снималась наша общая сцена повзрос, это был телефонный разговор. Потом Сергей рассказал мне, что, увидев меня на экране, сказал: "Боже, какая Катя! Что за актриса? Очень интересная."

Л. Кадоchnikова

Она нравится мне..." После чего мы познакомились.

Супруги Швейцеры очень на меня повлияли. Софья Абрамовна трогательно опекала. Суровая женщина, любившая, она взяла меня под свое крыло. Сказала: "Лариса, если вы где-то пробуетесь, пожалуйста, приходите к нам и давайте отчет!"

— Вероятно, когда вас приглашали сниматься, немалую роль играли ваши внешние данные. В лике ваших героинь всегда было что-то от старой русской иконописи. Недаром вы были музой Ильи Глазунова, который много писал вас, видел в вас свой идеал женщины. С этим вы вошли в мир Сергея Параджанова. Ведь пригласил он вас не только и не просто потому, что вы были тогда женой его оператора Юрия Ильенко.

— Для него это абсолютно не имело значения. Юра Ильенко после окончания ВГИКа начал работать на Ялтинской киностудии. Потом переехал в Киев. А я была актрисой Современника — три года моей жизни, и каждый день был днем счастья благодаря театру. Меня без конца приглашали режиссеры "Мосфильма", Пробы, роли...

Параджанов срочно приехал на встречу с Юрой в Москву, и Юра нас познакомил. Я увидела кавказца лет сорока. Черные усы. Черный костюм... Не было в первый момент острого чувства судьбоносной встречи. Он смотрел на меня, смотрел и вдруг громко воскликнул: "Вот моя Маричка!"

— Сразу?

— Сразу. У Сергея вообще реакции были спонтанными. Продолжил: "Все! Больше ничего пробовать не буду!"

Я прочла сценарий по повести Коцюбинского. Сниматься на Студии Довженко? Вспомнила, как Ольга Ивановна Пыжова почему-то недолюбливала эту студию и часто грозил студентам своим: "Смотрите! Это может закончиться тем, что вы будете сниматься на студии Довженко!"

При этом у меня сложилась трудная ситуация. Муж работает на этой студии и режиссера, который пригласил меня сниматься. Сценарий "Тени забытых предков", роль показались

мне очень интересными, это было нечто совершенно другое, нежели то, что я играла прежде в кино и в Современнике. Но, честно говоря, тогда по большому счету я согласилась сниматься, потому что на картине работал мой муж. Хотелось быть с ним рядом. При этом в театре прекрасное положение. Я столько играла...

Пшла к Олегу Николаевичу Ефремову. Всех нас он любил, как своих цыплят... Объясняя ему: "У меня вот такие обстоятельства — зовут сниматься". — "Ну и снимайся". — "Да нет же, картина снимается в Карпатах, целый год. Режиссер Параджанов". — "Кто такой Параджанов?" — Сергея тогда еще никто не знал. Говорю: "Режиссер Юры, моего мужа. Я принесла заявление об отпуске на год. Может, я вернусь". Олег Николаевич молча подписал мое заявление. После чего обиделся на всю жизнь. Был со мной неизменно холоден, сколько бы мы потом ни встречались.

— Не простил?

— Не простил. Он считал, что актер Современника не имеет права на подобный поступок, несмотря ни на что.

— Вам было трудно оставить Москву, такой театр, уехать на чужую вам, в сущности, Украину?

— По молодости тогда я просто об этом не думала. Вот так — ах, иокунулась в новую жизнь. Мы приехали в Карпаты. Вокруг необыкновенная природа. Горы, леса. Мы пережили все времена года — зиму, весну, лето, осень. Пели и замирали ручьи и горные реки, озера. Росли смереки — тамошные деревья, карпатские ели с непохожими на наши иголками. Мы собирали грибы. Когда шли дожди, реки красиво разливались. Звучала дивная речь. Звенели колокольчики — в горах паслись коровы с колокольчиками на шее. После московской городской, столичной жизни я оказалась в другом мире.

— Как вы, воспитанница мхатовки Пыжовой, работали с Параджановым, да еще после трех лет жизни в Современнике?

— Да уж не по системе Станиславского! Все иное! Параджановское восприятие, понимание красоты, утверждение им этой красоты... Его понимание того, что есть кинематограф... Слияние с природой, с шелестом травы и листьев, с ветром и дождем... Он одел нас в костюмы героев, бросил в кадр, и я растворилась во всем этом. Как? Я сама не могу понять, как прониклась судьбой моей героини, этой гуцульской Джульетты.

Вместе со мной снималась моя сокурсница Таня Бестаева в роли Палагны. Красивая, статная, талантливая. И для нее встреча с Параджановым стала событием. У Сергея было паразитическое чутье на актеров. Его любимой актрисой была Софико Чиаурели, она училась на курс старше меня. Все вместе мы были неделимым миром параджановской красоты, его невероятного темперамента. Все наполнено буйством его души, его сердца. Его язычеством. Мы работали год. Не сразу я поняла и приняла Сергея. Поначалу многое было действительно чуждо. Я привыкла к тому, что мне все рассказывают, мы все раскладываем по полочкам — почему я себя так веду, а мой партнер так? Что у него за характер? Что у него на уме? Сергей на это говорил: "Все к черту! Никакого Станиславского! Иди через мост — и все!" Потом все это уже как режиссер продолжил Юрий Ильенко в картине "Белая птица с черной отметиной". И в Юре в ту пору было неистовство художника. После картины "Летят журавли" кумиром операторов стал Сергей Урусевский, ему подражали, и, кстати, это было не так и плохо. На "Тенях..." вместе с Параджановым и нашим изумительным художником Феликсом Якутовичем (он уже ушел из жизни) они составляли гениальное трио. К тому же Якутович очень хорошо знал Карпаты, любил безумно эти горы. Он показал места, где нам надо было снимать, Сергей и Юра до этого ничего не знали об этом дивном крае. Феликс нашел места для съемочных площадок, построил великолепные декорации... Юра многое прошел в школе Параджанова и с этим пришел в "Белую птицу..."

— Было нечто общее у ваших героинь Марички и Даны из "Белой птицы..."?

— Нет. Дана совершенно другая женщина. Да, в ней тоже есть чистота, наив. Но она избалованная, капризная. Джульетта-Маричка любит только своего Ромео. А Дана влюблена во всех братьев Звонеров и никак не может выбрать одного-единственного. Дана более изломанная, наверное. В финале она, подобно всем женщинам, стремится создать свою семью, иметь детей, понимает, что смысл жизни женщины — в рождении ребенка. В финале эта своеобразная барышня, дочь священника, появляется в народном костюме — она пришла к своему истинному назначению. Маричка — более цельная натура.

— Как вы пережили попытку украинских властей уволить главного режиссера вашего театра Михаила Резникова, не поддержавшего на выборах Виктора Ющенко?

— И все-таки мы этого не допустили. Резников — сложный человек, да талантливые режиссеры другими и не бывают. Десять лет на моих глазах он работает день и ночь. Приходит в театр в девять утра, уходит в одиннадцать вечера, театру посвящена вся его жизнь. Он думает о семье поколений, принял в труппу много молодежи.

Да, его хотели снять на самом деле, потому что он был сторонником Януковича, пытались инкриминировать какие-то финансовые проблемы. Если бы в этом кого-то обвиняли, прежде всего имейте для этого доказательства! Как можно было кричать с телевизионного экрана, что Михаил Резников задолжал миллионы, если пришедшая после этого в театр контрольная комиссия ничего не нашла... Так ведь можно человека отправить на тот свет.

— Коллектив сыграл активную роль в борьбе за своего главного режиссера?

— Да. Как это ни странно, учитывая систему внутритеатральных отношений. Коллектив был за него и не сдавался. Как все сложилось дальше при общей нашей взбудораженности, не знаю.

— Что вы сейчас играете там?

— Играю Ольгу Книппер-Чехову в "Насмешливом моем счастье", это наш очень хороший спектакль. Играю в пьесе Саймона "Последний пылкий влюбленный", Чебоксарову в "Бешеных деньгах". Еще недавно — Анну Андреевну в "Ревизоре". У меня было до

восемнадцати спектаклей в месяц, сейчас поменьше.

Из относительно недавнего моего прошлого мне хотелось бы вспомнить картину Артура Войтецкого "О любви". Это был талантливый украинский режиссер, надеюсь, его еще помнят в России по замечательному фильму по рассказу Горького "Скуки ради" с участием Майи Булгаковой, Людмилы Шагаловой, Всеволода Санаева. Войтецкий предложил мне роль в картине "О любви". Мы снимали неподалеку от Киева, в маленьком городке Шаргород, время будто его не коснулось. Настоящий XIX век. Но фильм прошел два или три раза по телевидению — и все! Очаровательный, нежный, тонкий, с настоящей чеховской интонацией.

— Войтецкий вообще тяготел к Чехову, даже снимая Горького.

— Верно... Он и человек был чеховского склада: скромный, интеллигентный, он казался мне совсем студией. Сейчас мы обеднели талантливыми режиссерами. Ушло время взлета — конец 70-х, начало 80-х годов, когда снимали замечательные фильмы Константин Ершов, Олег Филалко, Роман Баляня. Я снова страдала, оттого что забыто прошлое. Почему не устроить ретроспективу картин Константина Ершова? Артура Войтецкого?

— Вашей темой на сцене, на экране всегда была любовь.

— На самом деле любовь объединяет, связывает моих разных героинь. Чаще всего трагическая.

— Вы сами выбирали такие роли? Или режиссеры видели вас только в этом ракурсе, ощущая трагическое начало вашего таланта?

— Это был выбор режиссеров. И всегда трагический финал у них. Но и жизнь по главному счету трагедия, у всех устремленная к финалу. Всегда есть начало и конец. Как и нередко заканчивается самое светлое чувство.

— Поэтому любовь ваших героинь обречена?

— Может быть. Помню, в институте я играла Федру в пантомиме. Ставил великолепный педагог, знаменитый Румнев. Тогда он сказал Пыжовой: "У вас появилась трагическая актриса". В роли Федры меня сняла Джемма Фирсова в своей преддипломной работе.

— Вам никогда не хотелось вернуться в Москву?

— Даже несколько раз пыталась. Когда мама была уже очень больна. Она предлагала мне возвратиться, с тем, чтобы я была при ней. Только при ней. Не работать. Но актриса не может так существовать, тем более после того, как я столько сыграла на сцене, в кино. Одно время собиралась вступить в труппу Театра имени Маяковского. Меня звали туда очень интересный режиссер Алла Кигель, собиравшаяся ставить "Дядю Ваню".

В роли Федры меня сняла Джемма Фирсова в своей преддипломной работе.

— Вам никогда не хотелось вернуться в Москву?

— Да. Как это ни странно, учитывая систему внутритеатральных отношений. Коллектив был за него и не сдавался. Как все сложилось дальше при общей нашей взбудораженности, не знаю.

— Что вы сейчас играете там?

— Играю Ольгу Книппер-Чехову в "Насмешливом моем счастье", это наш очень хороший спектакль. Играю в пьесе Саймона "Последний пылкий влюбленный", Чебоксарову в "Бешеных деньгах". Еще недавно — Анну Андреевну в "Ревизоре". У меня было до

восемнадцати спектаклей в месяц, сейчас поменьше.

Из относительно недавнего моего прошлого мне хотелось бы вспомнить картину Артура Войтецкого "О любви". Это был талантливый украинский режиссер, надеюсь, его еще помнят в России по замечательному фильму по рассказу Горького "Скуки ради" с участием Майи Булгаковой, Людмилы Шагаловой, Всеволода Санаева. Войтецкий предложил мне роль в картине "О любви". Мы снимали неподалеку от Киева, в маленьком городке Шаргород, время будто его не коснулось. Настоящий XIX век. Но фильм прошел два или три раза по телевидению — и все! Очаровательный, нежный, тонкий, с настоящей чеховской интонацией.

— Войтецкий вообще тяготел к Чехову, даже снимая Горького.

— Верно... Он и человек был чеховского склада: скромный, интеллигентный, он казался мне совсем студией. Сейчас мы обеднели талантливыми режиссерами. Ушло время взлета — конец 70-х, начало 80-х годов, когда снимали замечательные фильмы Константин Ершов, Олег Филалко, Роман Баляня. Я снова страдала, оттого что забыто прошлое. Почему не устроить ретроспективу картин Константина Ершова? Артура Войтецкого?

— Вашей темой на сцене, на экране всегда была любовь.

— На самом деле любовь объединяет, связывает моих разных героинь. Чаще всего трагическая.

— Вы сами выбирали такие роли? Или режиссеры видели вас только в этом ракурсе, ощущая трагическое начало вашего таланта?

— Это был выбор режиссеров. И всегда трагический финал у них. Но и жизнь по главному счету трагедия, у всех устремленная к финалу. Всегда есть начало и конец. Как и нередко заканчивается самое светлое чувство.

— Поэтому любовь ваших героинь обречена?

— Может быть. Помню, в институте я играла Федру в пантомиме. Ставил великолепный педагог, знаменитый Румнев. Тогда он сказал Пыжовой: "У вас появилась трагическая актриса". В роли Федры меня сняла Джемма Фирсова в своей преддипломной работе.

— Вам никогда не хотелось вернуться в Москву?

— Даже несколько раз пыталась. Когда мама была уже очень больна. Она предлагала мне возвратиться, с тем, чтобы я была при ней. Только при ней. Не работать. Но актриса не может так существовать, тем более после того, как я столько сыграла на сцене, в кино. Одно время собиралась вступить в труппу Театра имени Маяковского. Меня звали туда очень интересный режиссер Алла Кигель, собиравшаяся ставить "Дядю Ваню".

В роли Федры меня сняла Джемма Фирсова в своей преддипломной работе.

— Вам никогда не хотелось вернуться в Москву?

— Да. Как это ни странно, учитывая систему внутритеатральных отношений. Коллектив был за него и не сдавался. Как все сложилось дальше при общей нашей взбудораженности, не знаю.

— Что вы сейчас играете там?

— Играю Ольгу Книппер-Чехову в "Насмешливом моем счастье", это наш очень хороший спектакль. Играю в пьесе Саймона "Последний пылкий влюбленный", Чебоксарову в "Бешеных деньгах". Еще недавно — Анну Андреевну в "Ревизоре". У меня было до